

О. Б. Вайнштейн

ORCID: 0000-0002-1753-4848

✉ katermur@gmail.com*Российский государственный
гуманитарный университет (Россия, Москва)*

«WHY DID SHE PROVOKE SO MUCH HOSTILITY?»: что огорчало Миранду Сеймур, когда она писала биографию леди Оттолайн Моррелл

Аннотация. В центре статьи — анализ эмоциональных контекстов биографии леди Оттолайн Моррелл (1873–1938), написанной известным автором Мирандой Сеймур (1992). Основная исследовательская эмоция в этой биографии — досада, печаль и сожаление. Поводом для этого является «несправедливое» изображение леди Оттолайн Моррелл в мемуарах и в художественных текстах, причем в подавляющем большинстве случаев она изображена в иронически-пародийном ключе. Особое внимание уделяется взаимоотношениям между Вирджинией Вулф и леди Оттолайн Моррелл. В статье рассмотрены случаи необъективных репрезентаций и исследовательские эмоции биографа. Другой повод для эмоциональной реакции биографа — невозможность в некоторых случаях доискаться «правды» из-за посмертной редактуры родственниками дневников и мемуаров леди Оттолайн Моррелл. Имея доступ к недоступным ранее документальным источникам, Миранда Сеймур восстанавливает в полном объеме биографию леди Оттолайн Моррелл. Помимо печали, Миранда Сеймур демонстрирует искреннее восхищение своей героиней и последовательно защищает ее от неадекватных интерпретаций.

Ключевые слова: леди Оттолайн Моррелл, Миранда Сеймур, биография, эмоции, Вирджиния Вулф, мода, репутация, Блумсбери

Для цитирования: Вайнштейн О. Б. «Why did she provoke so much hostility?»: что огорчало Миранду Сеймур, когда она писала биографию леди Оттолайн Моррелл // Шаги/Steps. Т. 9. № 4. 2023. С. 233–243. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-4-233-243>.

*Статья поступила в редакцию 14 июня 2023 г.
Принято к печати 29 августа 2023 г.*

O. B. Vainshtein

ORCID: 0000-0002-1753-4848

✉ katermur@gmail.com

*Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

“WHY DID SHE PROVOKE SO MUCH HOSTILITY?": WHAT UPSET MIRANDA SEYMOUR WHILE WRITING THE BIOGRAPHY OF LADY OTTOLINE MORRELL

Abstract. The article is focused on the emotional contexts of the biography of Lady Ottoline Morrell (1873–1938), written by the distinguished author Miranda Seymour. One of the main emotional attitudes of the biographer is sorrow and sadness. The reason for this is the distorted image of Lady Ottoline in memoirs and fiction; she was portrayed in several novels in an unfair and satirical manner. Literary representations of her can be found in *Crome Yellow* by Aldous Huxley, *Women in Love* by D. H. Lawrence, *Between the Acts* by Virginia Woolf and several other contemporary works of fiction. Special attention is paid to the relationship between Virginia Woolf and Lady Ottoline Morrell, the difference in their characters and their attitudes to dress. Lady Ottoline is judged in terms of “integrity” (the concept of George Moore) but her character does not fit into the philosophical schemes. This case study includes analysis of Lady Ottoline’s vestimentary habits, her bohemian style. Another important emotion of the biographer arises from the difficulty of discovering the truth, since Lady Ottoline’s memoirs and diaries were selectively censored, cut and edited upon publication. With access to documentary sources in the archive, the author reconstructs the full scope of lady Ottoline Morrell’s biography. Besides sorrow, Miranda Seymour demonstrates genuine admiration and compassion for her heroine and always defends her against unfair representations.

Keywords: Lady Ottoline Morrell, Miranda Seymour, biography, emotions, Virginia Woolf, fashion, reputation, Bloomsbury

To cite this article: Vainshtein, O. B. (2023). “Why did she provoke so much hostility?": What upset Miranda Seymour while writing the biography of Lady Ottoline Morrell. *Shagi / Steps*, 9(4), 233–243. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-4-233-243>.

Received June 14, 2023

Accepted August 29, 2023

Тема статьи — эмоциональные контексты биографии английской аристократки и хозяйки литературного салона леди Оттолайн Моррелл (1873–1938), написанной Мирандой Сеймур в 1992 г. [Seymour 1992]. Эта биография считается фундаментальной, окончательной (*definitive*), поскольку в ней с максимальной полнотой использованы документальные источники. В статье будут рассмотрены исследовательские эмоции автора, конструкция биографического нарратива и случаи «несправедливых» репрезентаций ее героини.

Для начала несколько слов о биографе. Миранда Сеймур — известный британский автор, романист, биограф и критик, член Королевского литературного общества. Она — владелица имения Трамптон-Холл (Thrumpton Hall) в Ноттингемшире. Это семейная резиденция, основанная в XVII в., которая долгое время принадлежала семейству Байрон. Там жила дочь Байрона Ада Байрон, изобретательница аналитической машины, прототипа современных компьютеров. Родословная Миранды Сеймур прямо восходит к Байронам.

Трамpton-Холл перешел к Миранде в наследство от отца, и она вложила немало сил и средств в его реставрацию и поддержание. Сейчас замок по определенным дням открыт для публики и сдается в аренду для свадеб, частных и корпоративных вечеринок. Сеймур написала книгу «В отцовском доме» [Seymour 2007], посвященную истории Трамптон-Холла, которая в 2008 г. удостоилась приза ПЕН-Экерли и была отмечена как книга года по версии «New York Times». Но для нашего исследования скорее важна принадлежность Миранды Сеймур к английской аристократии. Она знакома с членами старинных знатных семей, понимает систему родственных и дружеских связей и пользуется доверием людей этого круга. Это обеспечивает возможность получить многие сведения из первых рук, а также доступ к частным архивам. Другие ее труды — биографии Роберта Грейвза [Seymour 1995], Мэри Шелли [Seymour 2018b], книга о Генри Джеймсе и его круге [Seymour 2004] и, конечно, об Аде Лавлейс и ее матери, жене Байрона Аннабелле Милбэнк [Seymour 2018a].

Биография «Оттолайн Моррелл: жизнь по большому счету» (*Ottoline Morrell: Life on a Grand Scale*) [Seymour 1992] считается одной из лучших работ Миранды Сеймур в документальном жанре. Она неоднократно переиздавалась: после появления в 1992 г. вновь выходила в 1998 и 2009 гг.; новая публикация планируется в 2024 г. в издательстве «Harper Collins».

Обратимся теперь непосредственно к эмоциональным контекстам книги. Основной лейтмотив авторской интонации в биографии леди Оттолайн Моррелл — досада и сожаление. Эта исследовательская эмоция Миранды Сеймур в нескольких местах открыто проговаривается автором. Нередко поводом для подобных эмоций является «необъективное» и сатирическое изображение леди Оттолайн Моррелл в мемуарах и в художественной литературе. «Почему она вызывала такую враждебность?» (*Why did she provoke so much hostility?*) — задается вопросом биограф, не скрывающая своих симпатий к героине.

Действительно, в репутации и в сложившемся образе леди Оттолайн Моррелл налицо парадоксальный диссонанс. Будучи близко знакома со многими писателями и художниками, которые подолгу гостили у нее и пользовались ее помощью, леди Оттолайн Моррелл, как это ни странно, удостоилась «чести» стать объектом многочисленных карикатур и пародий. Эта загадка, которую автор биографии пытается разрешить на протяжении всей книги, детально

анализируя отношения леди Оттолайн Моррелл с ее многочисленными знакомыми, друзьями и любовниками.

Другой повод для эмоциональной реакции биографа — невозможность во многих случаях доискаться «правды» из-за посмертной редакции родственниками дневников и мемуаров леди Оттолайн Моррелл. Это проблема ставит биографов в затруднительное положение. Однако Миранда Сеймур виртуозно находит выход, обращаясь к письмам и неотредактированным текстам ее дневников, которые сохранились в семейном архиве.

Личный архив леди Оттолайн Моррелл включает многотомные дневники, обширный корпус эпистолярных текстов (только переписка с Бертраном Расселлом составляет около 2500 писем), ее собственные мемуары. Кроме того, сохранилось множество воспоминаний и свидетельств ее современников, среди которых видное место занимали именно литераторы. Ведь в числе посетителей ее салонов по четвергам были писатели Вирджиния Вулф, Д. Г. Лоуренс, Генри Джеймс, Т. С. Элиот, У. Б. Йейтс, Николай Гумилев, У. Х. Оден, Макс Бирбом, Джозеф Конрад, Э. М. Форстер, Андре Жид, Максим Горький, Грэм Грин, Томас Харди, Олдос Хаксли, Джеймс Джойс, Кэтрин Мэнсфилд, Зигфрид Сассун, Альберто Моравиа, Герберт Уэллс, Торнтон Уайльдер. В ее салон заглядывали Бертран Расселл, Чарли Чаплин, Сергей Дягилев, Вацлав Нижинский, Пабло Пикассо, Уинстон Черчилль, кайзер Вильгельм II и другие знаменитости.

Известно также множество фотографий и живописных портретов леди Оттолайн Моррелл: по данным Национальной портретной галереи в Лондоне она позировала для 596 портретных изображений. Ее писали такие художники, как Огастес Джон, Дункан Грант, Генри Лэм и многие другие. Кроме того, она сама числится как автор 1715 снимков, причем нередко ее фотографии выделяются на фоне других своей спонтанностью. Так, среди многочисленных снимков Вирджинии Вулф самые непосредственные и живые принадлежат именно леди Оттолайн Моррелл.

Кардинальное отличие биографии Миранды Сеймур от трудов ее предшественников, писавших о леди Оттолайн Моррелл, состоит в том, что она первая получила доступ к архивам, содержащим полный корпус писем, дневников и неотредактированных воспоминаний. В конце книги читатель видит внушительный список благодарностей, и не только коллегам и сотрудникам архивов, но и в том числе ныне живущим членам семьи Моррелл (их имена, правда, фигурируют в измененном виде).

До этого все биографы леди Оттолайн Моррелл сталкивались с недостатком источников — не было полного издания ее дневников, воспоминаний, писем и мемуаров ее мужа, Филиппа Моррелла, писем Литтона Стрейчи. Так, Сандра Джобсон Дарроч, написавшая более раннюю биографию леди Оттолайн Моррелл [Dargoch 1976], не имела доступа к архивам и неизданным письмам и дневникам. Поэтому нередко ряд оценок предыдущих биографов грешат недостоверностью и субъективностью. Порой они восполняли недостаток фактов за счет своей фантазии, к чему их располагала неординарность героини. Однако, как пишет Миранда Сеймур, и здесь видно, что она великодушно пытается быть снисходительной к своим предшественникам:

Биографов нельзя обвинять в том, что они хотели выжать максимум эффекта из такой колоритной фигуры, но даже самые значительные

из них радостно поддались соблазну выборочно цитировать и пересказывать недостоверные анекдоты [Seymour 1992: 2].

На этом фоне, конечно, есть и приятные исключения — биография Мейнарда Кейнса, написанная Робертом Скиделски [Skidelsky 1992], и биография Кэтрин Мэнсфилд, написанная Клэр Томалин [Tomalin 1988], в которых леди Оттолайн Моррелл мелькает как достоверно и адекватно обрисованный эпизодический персонаж.

Но доминируют, увы, другие — несправедливые и поверхностные оценки. К примеру, в биографии Литтона Стрейчи, которую написал Майкл Холройд, про леди Оттолайн Моррелл мимоходом говорится: «невоспитанная аристократка, чьей единственной целью было пробиться в тайный мир художников» [Holroyd 1967–1968 (2): 5]. Печальный результат подобных характеристик обобщает Миранда Сеймур — леди Оттолайн Моррелл при жизни воспринимали как одну из самых замечательных и влиятельных женщин своего времени, а после смерти — как гротескного карикатурного персонажа [Seymour 1992: 417]. В чем же причина подобной нестыковки?

По мнению Миранды Сеймур, главная ответственность за негативное восприятие Оттолайн лежит на группе Блумсбери, и наибольший ущерб ее репутации нанесли такие члены группы, как Вирджиния Вулф, Ванесса Белл и Литтон Стрейчи. Они посещали ее салон, подолгу гостили в ее имении Гарсингтон, внешне вели себя так, как будто дружили, но за спиной нередко высмеивали ее и обменивались язвительными комментариями в письмах. При этом в письмах члены группы Блумсбери часто были готовы сочинить все что угодно, лишь бы это остроумно звучало, и с удовольствием сплетничали. Как только ее ни называли — «врунья, злобная сука, разваливающийся изгрызенный крысами корабль, разряженная, как проститутка, со скользкой душой, отвратительная и брошенная» [Seymour 1992: 2]. Полностью напечатанные впоследствии дневники и письма Вирджинии Вулф содержат немало подобных откликов, иронические обертоны которых для нас уже во многом потеряны. Эта инерция негативно-сатирического восприятия наложила серьезный отпечаток на репутацию леди Оттолайн Моррелл как в художественной, так и в критической литературе. Даже в книге столь внимательного и добросовестного исследователя, как А. Я. Ливергант, портрет леди Оттолайн Моррелл дан сквозь оптику группы Блумсбери, и в частности Вирджинии Вулф:

...леди Оттолайн Моррелл, покровительница искусств, эксцентричная аристократка с пронзительным голосом, бирюзовыми глазами, хищным носом, экзотическими туалетами и манерами, «с головой медузы, золотыми подвесками в ушах, волочащимся по земле подолом, мириадами лисьих хвостов». И с весьма заносчивым нравом. Чем-то леди Оттолайн Моррелл — очень высокая, статная, величественная, говорившая, растягивая слова, вдохнувшая в «четверги» несвойственный им светский лоск, напоминала герцогиню из «Алисы в стране чудес» [Ливергант 2018: 89].

Выделенный разрядкой фрагмент — цитата из письма Вирджинии Вулф Литтону Стрейчи от 16 декабря 1912 г., которая приводится в качестве само собой разумеющейся исторической характеристики, в то время как на самом деле это сугубо субъективное впечатление, облеченное в авторскую метафору Вирджинии Вулф.

Но дневники и письма Вирджинии Вулф содержат немало поэтичных описаний леди Оттолайн. Она сравнивала ее с Армадой, которая мчится на всех парусах, испанской инфантой, Еленой Троянской. В 1917 г. Вулф записала в дневнике после встречи с леди Оттолайн: «Я была настолько сражена ее красотой, что почувствовала, будто попала в море и услышала пение русалок на скалах» [Woolf 1976: 156]. Это было типичное для Вулф чувство изумления, когда она сталкивалась с необычным, которое, впрочем, потом сменилось придирчивым и внимательным изучением диковинной русалки.

Восприятие моды и стиля одежды у Вирджинии Вулф нередко становилось своеобразным камертоном в отношениях с другими людьми, которые были близки кругу Блумсбери. Но порой она писала о леди Оттолайн Моррелл в негативно-пренебрежительном тоне, вероятно, из-за того, что ей самой недоставало смелости одеваться так, как это делала Оттолайн: носить испанские шали и черепаховые гребни, желтый корсаж или заказывать портнихе платья, копируя фасон со знаменитых живописных полотен. У леди Оттолайн Моррелл был точный и уверенный вкус в одежде, позволявший ей одеваться в экстремальном богемном стиле. Ее вызывающие оригинальные платья и необычные шляпы вызывали всеобщее внимание. «Conventionality is deadness», — говорила леди Оттолайн: «Следование условностям — это мертвечина» [Seymour 1992: 3]. Она надевала по настроению то эстетические платья, то викторианские кринолины, то дизайнерские наряды, то платья, стилизованные в духе XVIII в. Ее коньком были шляпы, бесконечно разнообразные по форме, которые она комбинировала с легкими газовыми вуалями. Из украшений она предпочитала длинную нитку жемчуга. Ее стиль был выразительным воплощением богемной эксцентрики, поражающей своей избыточной декоративностью. Она азартно экспериментировала, нередко сочетая вещи, считавшиеся несочетаемыми, то одеваясь по современной моде, то полностью игнорируя новейшие тренды. Словом, в одежной сфере она чувствовала себя свободным человеком. Радикальный богемный стиль леди Оттолайн Моррелл не находил понимания в кругу Блумсбери, хотя и был по-настоящему оригинальным и новаторским.

«Сама Оттолайн говорила о “дикой, богемной, творческой” стороне своего характера, которая ни в чем не находит выражения, кроме как в ее “необычном выборе цветов, одежды и картин”» [Уилсон 2019: 135]. Интерьер ее имени Гарсингтон отличался изысканным художественным вкусом и продуманными нюансами: занавески были вишневого или лимонного цвета, стены были выдержаны в темно-красных или розово-серых тонах. «В любое время года, при любом настроении Гарсингтон-мэнор оживал благодаря таившейся в нем красоте: краскам, переливам, озерцам света под широкими абажурами, легкому аромату благовоний, будившему чувство превосходства, как будто находишься внутри произведения искусства» [Там же: 135]. «Вы превосходите всех нас в чувстве цвета», — говорил ей художник Генри Лэм, писавший ее портрет [Seymour 1992: 54].

Леди Оттолайн Моррелл также не раз демонстрировала свое тонкое понимание изобразительного искусства: в 1910 г. она помогала Роджеру Фраю отбирать полотна для первой выставки постимпрессионизма в Лондоне, которая была абсолютно революционной для английской культуры того времени и, в частности, существенно повлияла на эстетику Мастерских «Омега». А Мастерские «Омега», заметим, были основаны сестрой Вирджинии Вулф — Ванессой Белл и тем же Роджером Фраем, будучи по сути дизайнерским ответвлением группы Блумсбери, — круг замкнулся.

Образ леди Оттолайн Моррелл был запечатлен в многочисленных произведениях художественной литературы: она послужила прототипом образов миссис Манрезы в романе В. Вулф «Между актами» (1940), Гермионы Роддис в романе «Влюбленные женщины» Д. Г. Лоуренса (1920), Присциллы Уимбуш в «Желтом Кроме» Олдоса Хаксли (1921), леди Кэролайн Бэри из «Это Баттерфилд» Грэма Грина (1934) и, возможно, леди Чаттерлей из романа «Любовник леди Чаттерлей» Д. Г. Лоуренса (1928). К сожалению, в большинстве текстов она изображена в иронически-пародийном ключе, на что влияли разные обстоятельства. Так, сатирический образ Гермионы Роддис у Лоуренса был создан под влиянием недоброжелательного отношения к Оттолайн жены Лоуренса Фриды (хотя та тоже всю пользовалась гостеприимством в Гарсингтоне). Сходство Гермионы с Оттолайн было совершенно очевидным и стало предметом обсуждения среди друзей Оттолайн. Ее реакция была очень резкой:

Читая, я побледнела от гнева. Так изобразить меня мог только человек, преисполненный ненависти и злобы. Это был невероятный шок, поскольку в то же время он писал мне дружеские письма, и я не подозревала, что он настолько презирает и ненавидит меня. Он обзывает меня старой ведьмой, сексуальной маньячкой, развратной саффисткой. В книге у меня грязные платя, я грубо и нагло веду себя со своими гостями [Dargoch 1976: 262]

После этого леди Оттолайн Моррелл не разговаривала с Лоуренсом десять лет, но позднее, когда оба серьезно заболели, они примирились.

Подобная переменчивость отношений — весьма характерный алгоритм. Вирджиния Вулф тоже не избежала соблазна иронически изобразить свою приятельницу уже после смерти леди Оттолайн Моррелл. В повести «Между актов» (1940) писательница вывела ее в образе миссис Манрезы, которая раздражает окружающих своей наигранной наивностью:

— А зачем тогда тебе эти перстни и эти ногти, эта просто обворожительная соломенная шляпка? — спрашивала Айза, молча адресуясь к миссис Манреза <...> Шляпка, перстни, ногти, как розы пунцовые, гладкие, как ракушки, были выставлены на обозрение. <...>

Вулгарная, да, эти жесты, и вообще, и — так разрядиться для пикника! Но какое нужное, ценное, во всяком случае, свойство — ведь каждый, едва она рот откроет, сразу чувствует: «Вот, она сказала, а я — нет, и почему не я» — и, воспользовавшись брешью в декоруме, в которую хлынула свежесть, уже веселым дельфином кувыркается у ледокола в кильватере. <...>

«Ну и что я делаю? Можно я скажу, да? Я сбрасываю корсет (уперла руки в боки — статная дама) и катаюсь по траве. Катаюсь! Вы не поверите...» И она от души расхохоталась. Наплевала на фигуру и почувствовала себя свободной! [Вулф 2004: 151–152].

Подобные сатирические изображения весьма типичны, но для полноты картины надо учитывать, что с 1930-х годов леди Оттолайн Моррелл сблизилась с Вирджинией Вулф, и после ее смерти Вулф написала прочувствованный некролог, в котором, в частности, затрагивалась тема неблагодарности друзей.

В целом отношение Вирджинии Вулф к леди Оттолайн Моррелл менялось и оставалось достаточно противоречивым на протяжении жизни. Наряду с пародийными и недоброжелательными образами в дневниках, Вирджиния Вулф пишет, что она «героическая, очаровательная, прелестная, чистая и чудесная» и обладает «фундаментальной цельностью». Это концептуальный комплимент, поскольку здесь используется понятие цельности (*integrity*), разработанное Джорджем Муром — мыслителем, которым увлекались с юности и Вирджиния Вулф, и весь круг Кембриджских апостолов, куда входили и брат Вирджинии Тоби Стивен, и многие будущие члены группы Блумсбери. Понятие цельности у Мура включало в себя идею абсолютной «искренности», честности — императива предельно искреннего общения между собой, в особенности в том, что касается любовных увлечений. Так что, увы, Оттолайн часто судили в терминах «Принципов этики» — сочинения Джорджа Мура 1903 г. [Мур 1984]. Из него члены группы Блумсбери почерпнули, в частности, важное понятие «искренность» — между собой они открыто говорили о самых интимных вещах или, к примеру, увлекались салонными играми, когда надо было назвать свое самое тайное желание. Но как раз в этом аспекте Оттолайн не оправдала их ожиданий: она не обсуждала с ними подробности своей личной жизни, что вызывало досаду блумсберийцев. Она умалчивала, скажем, о своем скандальном романе с «Тигром» (молодым садовником в Гарсингтоне), который, как считает большинство исследователей, Лоуренс использовал при создании «Любовника леди Чаттерлей». Так что, соответствуя параметру «цельности», она не поддавалась на провокации «искренности».

В заключение — повторим печальный вопрос биографа, вынесенный нами в заглавие статьи: «Почему она вызывала такую враждебность?» (*Why did she provoke so much hostility?*). Как мы видели на примере отношений леди Оттолайн с группой Блумсбери, все было неоднозначно. Что же в итоге столь негативно повлияло на ее восприятие и репутацию? Как считает Миранда Сеймур, здесь было задействовано несколько факторов.

Первый фактор (как это ни странно для читателя биографии) — исключительная внешность леди Оттолайн Моррелл и ее экстравагантная манера одеваться. Это было сочетание внешних данных и индивидуального вестиментарного стиля. Эффект от броской внешности (высокий рост — 190 см, — пышная копна медных волос, бирюзовые глаза) усиливался за счет богемной моды — платья в расцветках *Ballets Russes*, алые туфли на высоких каблуках, любовь к живописным шляпам.

Второй фактор заключался в жизненной идеологии леди Оттолайн Моррелл — вспомним ее девиз «*Conventionality is deadness*», неконформизм в ее поведении, необычные поступки, сильный характер, железную волю и пре-

зрение к условностям. Об этом говорят и ее высказывания: «Я ненавижу стремление к безопасности и трусость», «Удовлетворенность собой — это смерть». Она часто допускала откровенные высказывания и, очевидно, была слишком яркой персоной, чтобы оставить окружающих равнодушными. Вот печальный комментарий по этому поводу Миранды Сеймур: «Для меня нет ничего грустнее, чем факт, что эта смелая честность была настолько принижена последующим восприятием, что трактовалась как наглость» [Seymour 1992: 3].

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и третий, гендерный, фактор: Миранда Сеймур подчеркивает, что Оттолайн не простили многое, потому что она была женщиной. Нарушая условный гендерный канон стандартного женского поведения, она давала повод для злословия. Итак, промежуточный вывод биографа состоит в том, что репутация леди Оттолайн Моррелл отчасти страдала из-за ее внешней экстравагантности, отчасти из-за ее манеры смело вести себя и непринужденного стиля общения.

Наконец, основной вопрос книги заключается в том, в чем состоял алгоритм влияния леди Оттолайн Моррелл, секрет ее притягательности. По мнению Миранды Сеймур, «самое главное состояло в том, что она влияла на людей, побуждая их пересмотреть свои мотивы и идеалы, учила их верить в свои способности» [Seymour 1992: 6]. Ее воздействие не ограничивалось этим — леди Оттолайн Моррелл была известна как деятельный меценат, она оказывала финансовую помощь многим начинающим поэтам и художникам, знакомила их с потенциальными покровителями [Melišová 2022]. Ее салон функционировал как центр неформальной помощи творческим людям. Надо отметить, что во многих случаях леди Оттолайн Моррелл не просто приглашала погостить знакомых в Гарсингтон или посетить ее салон на Гауэр-стрит. В частности, во время Первой мировой войны в ее имении укрывалась от призыва целая группа тех, кто сознательно возражал против службы в армии и не шел на войну по идеологическим соображениям (conscientious objectors). Она устраивала их на работу у себя в деревне, поскольку это была возможность оформить вариант альтернативной службы.

Миранда Сеймур задается вопросом, почему леди Оттолайн Моррелл уделяла столько времени и средств, помогая друзьям, и почему нередко получала в ответ неблагодарность. Ее ответ звучит несколько парадоксально: она была одинока в юности, и отсюда вытекает ее сильная потребность в друзьях и в любви, в эмоциональном признании. Позднее, когда леди Оттолайн Моррелл стала возвращаться в артистических и интеллектуальных кругах и могла позволить себе распоряжаться своими средствами, она задаривала людей, на которых хотела произвести впечатление. Она засыпала их подарками, приглашала в гости, а они чувствовали себя неудобно. То есть против нее срабатывала ее «наивная вера, будто дружбу можно купить» [Seymour 1992: 5].

Здесь я не согласна с Мирандой Сеймур: все другие факты поведения леди Оттолайн говорят о том, что она была достаточно уверена в себе. А такая манера — заваливать человека подарками, чтобы добиться дружбы, — как раз свойственна людям, не уверенным в себе. Однако факты неблагодарности и разочарования в друзьях слишком многочисленны, чтобы их можно было легко игнорировать. И слишком велико желание Миранды Сеймур реабилитировать свою героиню.

Миранда Сеймур прекрасно осознает свое эмоциональное отношение к леди Оттолайн Моррелл. В начале книги она констатирует:

Биограф должен пытаться соблюдать объективность, и я приложила максимум усилий, чтобы представить свидетельства «за» и «против» Оттолайн, не становясь слишком явно на ее сторону. Однако было невозможно полностью утаить в книге мое восхищение ею [Seymour 1992: 4].

И действительно, на протяжении всей книги Миранда Сеймур тщательно разбирает все сложные случаи в биографии леди Оттолайн Моррелл, не скрывая противоречий, но ее всегда выдает эмоциональная интонация. Так, резюмируя взаимодействие Оттолайн и группы Блумсбери, она пишет:

После ее смерти и до сих пор Оттолайн рассматривали сквозь искажающую линзу писем, дневников и воспоминаний группы Блумсбери. Ее красота была забыта, ее религиозная вера служила поводом для насмешек, над ее великодушием издевались. Никто не попытался понять ее, исследовать ее влияние или истолковать ее действия [Seymour 1992: 417].

Весь спектр эмоций биографа здесь очевиден — от сожаления до негодования.

В заключении книги Миранда Сеймур уже отказывается от попыток объективности хотя бы внешний декор объективности и открыто признается в своих чувствах по отношению к Оттолайн:

Прожив с ней, так сказать, последние четыре года, я знаю, что мне будет не хватать ее. Я восхищалась ее отважной решимостью никогда не сдаваться. Меня забавляло, трогало и впечатляло все, что было с ней связано, мне никогда не было скучно. Благодаря ее чувству юмора и тонкости понимания она составила мне превосходную компанию [Seymour 1992: 418].

Источники

Вулф 2004 — *Вулф В.* Между актов: Роман / Пер. с англ. Е. Суриц // Иностранная литература. 2004. № 6. С. 135–224.

Мур 1984 — *Мур Дж.* Принципы этики / Пер. с англ. Л. В. Коноваловой. М.: Прогресс, 1984.

Литература

Ливергант 2018 — *Ливергант А.* Вирджиния Вулф: «моменты бытия». М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2018.

Уилсон 2019 — *Уилсон Э.* Богема. Великолепные изгой / [Пер. с англ. Т. Пирусская]. М.: Нов. лит. обозрение, 2019.

Darroch 1976 — *Darroch S. J.* Ottoline: The life of Lady Ottoline Morrell. London: Chatto & Windus, 1976.

Holroyd 1967–1968 — *Holroyd M.* Lytton Strachey: In 2 vols. London: Holt, Rinehart and Winston, 1967–1968.

Melišová 2022 — *Melišová K.* Modernist lionhunting: An exploration of patronage in the cultural imaginary // Polish Journal of English Studies. Vol. 8. No. 2. 2022. P. 101–116.

Seymour 1992 — *Seymour M.* Ottoline Morrell: Life on the grand scale. New York: Farrar; Straus; Giroux, 1992.

- Seymour 1995 — *Seymour M.* Robert Graves: Life on the edge. Toronto: Doubleday Canada, 1995.
Seymour 2004 — *Seymour M.* A ring of conspirators: Henry James and his literary circle, 1895–1915. New York: Scribner, 2004.
Seymour 2007 — *Seymour M.* In my father's house: Elegy for an obsessive love. New York: Simon and Schuster, 2007.
Seymour 2018a — *Seymour M.* In Byron's wake. New York: Simon and Schuster, 2018.
Seymour 2018b — *Seymour M.* Mary Shelley. New York: Simon and Schuster, 2018.
Skidelsky 1992 — *Skidelsky R.* John Maynard Keynes: The economist as saviour, 1920–1937. London: Macmillan, 1992.
Tomalin 1988 — *Tomalin C.* Katherine Mansfield: A secret life. London: Penguin UK, 1988.
Woolf 1976 — The letters of Virginia Woolf. Vol. 2: 1912–1922 / Ed. by N. Nicolson, J. Trautmann. 1st American ed. New York; London: Harcourt Brace Jovanovich, 1976.

References

- Darroch, S. J. (1976). *Ottoline: The life of Lady Ottoline Morrell*. Chatto & Windus.
Holroyd, M. (1967–1968). *Lytton Strachey* (2 Vols.). Holt, Rinehart and Winston.
Livergant, A. (2018). *Virdzhinia Vulf: "momenty bytiia"* [Virginia Woolf: "moments of being"]. AST; Redaktsiia Eleny Shubinoi. (In Russian).
Melišová K. (2022). Modernist lionhunting: An exploration of patronage in the cultural imaginary. *Polish Journal of English Studies*, 8(2), 101–116.
Seymour, M. (1992). *Ottoline Morrell: Life on the Grand Scale*. Farrar, Straus, Giroux.
Seymour, M. (1995). *Robert Graves: Life on the edge*. Doubleday Canada.
Seymour, M. (2004). *A ring of conspirators: Henry James and his literary circle, 1895–1915*. Scribner.
Seymour, M. (2007). *In my father's house: Elegy for an obsessive love*. Simon and Schuster.
Seymour, M. (2018). *Mary Shelley*. Simon and Schuster.
Seymour, M. (2018). *In Byron's wake*. Simon and Schuster.
Skidelsky, R. (1992). *John Maynard Keynes: The economist as saviour, 1920–1937*. Macmillan.
Tomalin, C. (1988). *Katherine Mansfield: A secret life*. Penguin UK.
Wilson, E. (2000). *Bohemians: The glamorous outcasts*. I. B. Taurus.
Woolf, V. (1976). *The letters of Virginia Woolf, Vol. 2: 1912–1922* (N. Nicolson, & J. Trautmann, Eds.) (1st American ed.). Harcourt Brace Jovanovich.

* * *

Информация об авторе

Ольга Борисовна Вайнштейн
доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник, Институт
высших гуманитарных исследований
им. Е. М. Мелетинского, Российский
государственный гуманитарный
университет
Россия, ГСП-3, 125993, Москва,
Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (499) 250-66-68
✉ katermur@gmail.com

Information about the author

Olga B. Vainshtein
Dr. Sci. (Philology)
Leading Researcher, Institute for the
Advanced Studies in the Humanities, Russian
State University for the Humanities
Russia, GSP-3, 125993, Moscow,
Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (499) 250-66-68
✉ katermur@gmail.com